

Литература

Артемьев А.Р. 1995. Нерчинск и Нерчинский уезд в геополитике царской России XVII–XVIII вв. – *Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения)*. Материалы конференции. Чита, 30 июня – 6 июля 1994 г. Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского. С. 136–137.

Воробьев В.В. 1959. *Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки)*. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 146 с.

Козьмин Н.Н. 1924. *Бурят-Монгольская Республика – Область*. Доклад председателя секции по районированию при Госплане БМАССР. Иркутск, 53 с.

Мерцалов В.И. 2008. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1841–1895). – *Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права*, № 3. С. 26–33.

Мерцалов В.И. 2012. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.). – *Вестник Читинского государственного университета*, № 5(84). С. 3–10.

Солдатов В. 1912. *Железнодорожные поселки по Забайкальской линии*. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. Вып. II. Т. V. Ч. 1. СПб.: тип. АО «Слово», 327 с.

Старцев А.В. 2003. *Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 308 с.

ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Татьяна Викторовна –

к.и.н., доцент; доцент кафедры государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасский политехнический институт) им. М.И. Платова.

346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

p_k_t_v@mail.ru

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ В ЮЖНОРОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

EMERGENCY AUTHORITIES IN THE SOUTHERN RUSSIAN VILLAGE IN THE EARLY 1920s

В статье анализируется практика существования временных властных структур, выполнявших роль переходных органов власти и способствовавших укреплению позиций большевиков в деревне. В условиях перехода от войны к миру чрезвычайные формирования обеспечили создание социальных предпосылок для складывания советских органов власти на местах.

Ключевые слова: бандитизм, земледельцы, историография, органы местного самоуправления, посевные комитеты, революционные комитеты, села, советы, станицы

The article analyzes the practice of existence of temporary authority structures, which performed the role of transitional authorities and strengthened the position of the Bolsheviks in the countryside. Emergency institutes promoted creation of social preconditions for forming the local Soviet authorities in conditions of transition from war to peace.

Keywords: banditry, farmers, historiography, local self-government, sowing committees, revolutionary committees, village councils, Cossack villages

По мере того, как победоносная Красная армия устанавливала контроль над территориями Дона, Кубани, Ставрополя, здесь заново формировались большевистские партийные комитеты и советские

учреждения, которые либо возвращались после вынужденной эвакуации (например, в начале 1920 г. Донской исполком прибыл в Ростов-на-Дону из Борисоглебска), либо создавались заново. Однако процесс восстановления сельских и станичных Советов (а также Советов более высокого уровня – волостных, уездных) стартовал на Юге России отнюдь не одновременно с вступлением РККА в те или иные села и станицы. В населенных пунктах, расположенных в прифронтовой зоне, большевики формировали не Советы, предусмотренные Конституцией РСФСР, но чрезвычайные неконституционные органы местного управления, каковыми выступали революционные комитеты. В соответствии с господствовавшими в то время тенденциями в официальном и разговорном языке, данные чрезвычайные органы обычно именовались сокращенно – ревкомы. Под этим наименованием они и вошли в историю.

Ревкомы создавались военно-революционными советами Красной армии и политотделами дивизий на территории, отбитой у белых и находящейся в прифронтовой полосе (кроме того, вышестоящие ревкомы формировали нижестоящие, находившиеся непосредственно в селах и станицах). До того времени, пока на данной территории не была прочно установлена советская власть, ликвидировано повстанческое движение, сепаратизм и бандитизм, ревкомы должны были выполнять свои функции. Функции же эти были всеобъемлющими и многообразными, поскольку ревкомы представляли собой высшие полномочные органы власти, в ведении которых находились практически все административно-хозяйственные, военные, политические вопросы. В частности, в «Положении об организации станичных революц. [ионных] комитетов», разработанном на Кубани, отмечалось, что эти чрезвычайные органы учреждаются в станицах отдельным ревкомом «немедленно по очищении станиц от белегардейских банд». В Положении подчеркивалось, что «ревкомы учреждаются на время, пока не будет вся область очищена от белых и территория не будет признана центром на мирном положении». Указывалось, что «станичные Ревкомы

временно заменяют исполкомы и являются высшей административно-хозяйственной и политической властью станицы», приравниваясь «по правам и обязанностям» к волостным исполкомам и выполняя функции таковых. Хутора и поселки вокруг станиц также подчинялись ревкомам. Они назначали туда «комендантов из местного трудового населения», которых должен был по их представлению утвердить отдельный революционный комитет¹.

Существовала иерархия ревкомов: областные, губернские, уездные, станичные и т.п. На Дону вершиной ревкомовской иерархии являлся областной революционный комитет, созданный в мае 1919 г. и состоявший из С.И. Сырцова (председатель), А.Г. Белобородова, К. Якубова, В. Плятта, И.И. Рейнгольда, В.А. Трифонова. [Гражданская война... 1987: 503-504.] Кубанский областной ревком был создан в январе 1920 г. (с марта того же года и по январь 1921 г. он именовался Кубано-Черноморским) в составе М.А. Коробкина, А.Н. Анисимова, П.В. Горбунова, А.А. Лиманского, С.В. Евменьева, В.Ф. Черного и других членов и под председательством небезызвестного Я.В. Полуяна. Ставропольский губернский ревком функционировал с февраля 1920 г. по март 1921 г. в составе И. Сергулина (председатель), В.В. Иконичко, Побегушева, Сазонова. Терский областной ревком действовал в апреле–августе 1920 г. под председательством В.М. Квиркелия, в составе Т.Э. Эльдерхалова, Ю. Настуева, К. Цинцадзе, И. Зязикова, С. Такоева, Б.Э. Калмыкова, А.З. Дьякова, М.М. Кирисенко. Терский губернский ревком просуществовал с апреля по июль 1921 г.; в его состав входили В.Г. Кочетов, А. Николаев, Румянцев, Матвеев, а председателем был А.М. Коробкин. С марта по июнь 1920 г. действовал Северо-Кавказский революционный комитет, куда входили такие известные большевистские деятели, как Г.К. Орджоникидзе (председатель), С.М. Киров, Н.Н. Нариманов, С. Габиев, А.М. Стопани, П.Г. Мдивани, Я.В. Полуян. [Гражданская война... 1987: 504.]

Будучи призванными поддерживать

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-632. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.

порядок на вверенной им территории, крепить советскую власть и решительно противодействовать враждебным проискам «классовых врагов», отдельные ревкомы проводили радикальные чистки сельских (станичных) Советов и исполкомов, если таковые уже существовали на подконтрольной Красной армии территории. Так, члены Калитвенского ревкома (Донская область) сообщали в марте 1920 г.: «...нами найдено, что существовавший до сего времени в станице исполком почти бездействовал... Члены этого исполкома были все не кто иные, как опричники бывшего бежавшего станичного атамана и, как мы усмотрели, так они нашу Советскую власть игнорируют и стараются сеять провокационные слухи, что приехали коммунисты и теперь чуть ли не будут на теле каждого станичного жителя ставить свою печать...» [Наш край...1968: 97].

Впрочем, нередко в составе самих ревкомов оказывались нежелательные для большевиков элементы, либо принадлежавшие к «эксплуататорским классам», либо, имея безукоризненно правильное социальное происхождение, отличавшиеся профессиональной непригодностью и злоупотреблением властью. В частности, в июле 1920 г. инструкторы, направленные на места Екатеринодарским отдельным отделом управления, сообщали, что в станицах Ладожской, Старокорсунской, Рязанской, Воронежской, Бакинской, Саратовской, Ключевой и Горячий Ключ «во главе Ревкомов стоят лица, не соответствующие своему назначению. Контрреволюционная агитация ведется открыто. Растет недовольство населения и семей красноармейцев на почве неудовлетворения их продуктами первой необходимости»¹. В этих случаях и ревкомы подвергались чисткам: так, в августе 1920 г. прежний состав членов революционного комитета Ивановской волости на Кубани был «смещен и предан революционному суду», а с конца месяца в данном органе работали уже новые сотрудники².

Не подлежит сомнению тот факт, что создание ревкомов, а не Советов в условиях Гражданской войны объясня-

лось не столько пристрастиями большевистского руководства к жесткой централизации и повсеместному контролю (вопреки декларациям о народоправстве), сколько суровой необходимостью. Разумеется, коммунисты испытывали величайшее недоверие к составу местных Советов, которые были сформированы без их активного участия, что не столь уж редко случалось в период с февраля 1917 г. и до начала 1920-х гг., поэтому ревкомы были для них предпочтительнее таких Советов. Однако гораздо важнее была общая социально-экономическая и социально-политическая нестабильность на территориях России, куда недавно вступила Красная армия. Эта нестабильность решительно не позволяла партийно-советскому руководству не то что обеспечить приемлемый классовый и партийный состав сельских советов и исполкомов и наладить их функционирование, но в ряде случаев даже сформировать органы местного самоуправления. В этой ситуации создание ревкомов как чрезвычайных и полномочных (хотя и неконституционных) органов являлось вполне разумным и, более того, необходимым.

Далеко не всегда ревкомы действовали успешно — как по вине их работников (которые нередко злоупотребляли полномочиями либо отличались профессиональной непригодностью), так и вследствие активных действий со стороны антибольшевистских формирований. Нападения повстанческих групп вполне могли парализовать деятельность ревкомов, даже если нападавшим не удавалось физически ликвидировать сотрудников указанных чрезвычайных органов. Так, в ночь на 8 августа 1920 г. отряд бело-зеленых разгромил помещение ревкома станицы Калужской на Кубани. Ревкомовцам повезло: во время нападения никого из них в помещении не было, так что никто не пострадал. Зато нападавшие, как могли, разграбили и повредили имущество ревкома: все плакаты и распоряжения со стен были сорваны, со шкафов сбиты замки, пропали 4 винтовки и «разные написанные бумаги», карта Кубанской области, штемпель станичного Совета народных депутатов, а также красное знамя «на палке с над-

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

² Там же. Л. 60.

писью: «Слава павшим борцам за свободу 1918 г.»¹. Когда в августе 1920 г. на Кубань из Крыма был высажен десант генерал-лейтенанта С.Г. Улагая, это активизировало действия бело-зеленых и негативно сказалось на деятельности ревкомов. Например, ревкомовцы станицы Бакинской Екатеринодарского отдела 24 августа бежали из данного населенного пункта, поскольку «зеленые производили розыск членов Ревкома и в случае оставления постигла бы их смерть»².

Все же следует согласиться с господствующим в историографии мнением о том, что ревкомы в целом оправдали возлагавшиеся на них надежды и выполнили свое предназначение. Они содействовали ликвидации антисоветского повстанческого движения, нормализации обстановки на местах, укреплению советской власти и большевистского режима.

Выполнение ревкомами их функций поставило на повестку дня вопрос о расформировании данных органов как исчерпавших свои полномочия и созданий вместо них предусмотренных Конституцией Советов рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов. В первую очередь это произошло на Дону, поскольку отмеченный регион ранее других на Юге России перешел под контроль РККА. Уже в марте 1920 г. на партийной конференции четырех округов Донской области — Ростовского, Таганрогского, Черкасского, Миллеровского — говорилось о необходимости «во всех округах приступить к подготовительным работам по выборам в советы, на основе Конституции РСФСР»³. К 9 мая 1920 г. в Донской области была завершена организация исполкомов Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, прошли окружные съезды Советов [Шолохов 1969: 53–54]. С 17 по 20 июня 1920 г. прошел II съезд Советов Донской области, ознаменовавший собой восстановление и расширение системы советских органов власти в регионе. Несколько позднее к

советскому строительству приступили представители власти и жители Кубани, Ставрополья, Терека. В частности, выборы в местные Советы на Кубани проводились в ноябре—декабре 1920 г.

Правда, даже в начале 1920-х гг., несмотря на поражение Белого движения, обстановка на Юге России оставалась очень беспокойной. Банды уголовников и повстанческие отряды, также стремительно превращавшиеся в бандитов, неоднократно громили сельские и станичные Советы. В частности, Черкасский окружной комитет РКП(б), отчитываясь за январь 1922 г., указывал: «политическая ситуация в Округе в общем целом удовлетворительная, если не считать частые грабежи и убийства на дорогах и в домах и одной маленькой шайки бандитов, организовавших в ноябре месяце в 1921 году систематическую работу по убийству коммунистов и сов. работников». Кроме того, эта же «маленькая шайка» разгромила ряд хуторских Советов в районе станицы Багаевской, пока в январе 1922 г. не была ликвидирована сотрудниками донских органов правопорядка⁴. В сентябре 1921 г. Сальский окружной исполком констатировал, что от рук грабителей и бандитов только в августе текущего года «погибли измученными зверски... несколько десятков коммунистов, продработников, милиционеров», а также и членов Советов. [Восстановительный период... 1962: 116].

Разгул бандитизма являлся основной причиной того, что многие ревкомы существовали в сельской местности на Дону, Кубани, Ставрополье, Тереке и в начале 1920-х гг. Более того, нередко уже расформированные ревкомы восстанавливались, дабы взять ситуацию под контроль в условиях, когда органы местного самоуправления фактически перестали функционировать. Показательно, что на протяжении 1921 г. Кубано-Черноморский исполком не единожды принимал решение о повторном создании чрезвычайных органов управления в тех или иных станицах. Ревкомы были восстановлены в станицах Лабинской, Убеженской и др. В целом, летом 1921 г. Советы были заменены ревкомами в 30 станицах Кубани, что составляло 5,5%

¹ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

² ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 10. Л. 131.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 19. Л. 1а.

общего числа сельских и станичных Советов [Шолохов 1969: 53–54].

Сходные явления наблюдались и в других регионах Юга России. Так, в марте 1922 г. Донецкий окружком РКП(б) отмечал, что, хотя «многие ревкомы несомненно свой период отжили и их необходимо заменить исполкомами»¹, «в некоторых станицах до сего времени существуют ревкомы, которые были созданы ввиду упорного сопротивления [местного населения] слаче продналога и [разгула] бандитизма»². Даже в сентябре 1922 г. партийные работники Донецкого округа на своих конференциях в качестве очередной своей задачи называли «оформление сельских Советов и волостных Исполкомов», подчеркивая, что «усилия сельских ячеек [компартии] должны быть направлены на изживание ревкомов и дореволюционных навыков и на создание Советов как действенных коллективных органов»³.

Добавим, что наряду с революционными комитетами в начале 1920-х гг. в советской южнороссийской деревне, которая официально уже вступила в эпоху нэпа, сохранялись в неизменной либо видоизмененной форме и некоторые другие чрезвычайные органы, возникшие в нелегкие времена Гражданской войны. К их числу принадлежали, например, посевные комитеты (посевкомы), создававшиеся для помощи земледельцам в осуществлении сева (а если понадобится, то и для нажима на хлеборобов, не желавших расширять запашку) и патетично

трактовавшиеся в советской документации как «новые боевые органы на с/х фронте»⁴. Сохранялись в деревне даже продотряды и продработники, которые в первую нэповскую весну влились в состав так называемых окружных рабочих бюро. Эти бюро, согласно соответствующему положению земельного отдела Донского исполкома, утвержденному 17 февраля 1921 г., обязаны были не только помогать крестьянам и казакам провести весенний сев (помощь выражалась в изыскании семян, необходимых запчастей к сельхозорудиям, ремонте таковых и т.п.), но и заставлять апатично настроенных сельских хозяев пахать как можно больше⁵. Только в 1922 г. в источниках сообщается, что посевкомы, которые «не оказались жизненными», подверглись расформированию⁶.

Таким образом, при всех исторических коллизиях формирования и функционирования чрезвычайных органов власти в южнороссийской деревне можно констатировать, что правящей партии большевиков удалось с их помощью обеспечить переход от Гражданской войны к мирному периоду развития общества. Развернувшееся советское строительство было подготовлено кратковременной, но весьма эффективной деятельностью чрезвычайных формирований, выполнивших историческую роль переходных органов власти в начале 1920-х гг.

¹ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 12г.

² Там же. Л. 12в.

³ Там же. Л. 44а.

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 192. Л. 28, 36.

⁵ ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 180. Л. 24.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 22г.

Литература

Восстановительный период на Дону. Сборник документов (науч. ред. П. В. Барчугов). 1962. Ростов н/Д.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд., доп. (гл. ред. С. С. Хромов). 1987. М. Советская энциклопедия, 720 с.

Наш край. Из истории Советского Дона. Документы. Октябрь 1917 – 1965. 1968. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 624 с.

Шолохов Л. Г. 1969. *Партийные организации Дона и Кубано-Черноморья в борьбе за укрепление и оживление советов (1920–1925 гг.)*: дис. ... к.и.н. Ростов н/Д.